

Алексей МОШКОВ

Алексей Мошков родился (1983) и живет в Кондопоге (Республика Карелия). Закончил Литературный институт им. Горького. Как литературный критик публиковался в журналах Ното Legens, «Волга», «Урал», «Знамя», «Семь искусств», а также в интернет-журналах Luterrатура, «Формаслов», «Кварта» и на портале Textura. Работает политическим обозревателем.

МЁРТВАЯ ЗЫБЬ

Представляй, что ты уже труп, когда покидаешь кровать,
и не стремись ни к чему, если уж занесло сюда,
но помни, что скоро наступит тотальная благодать,
поскольку кровь уже отхлестала, откуда раньше текла вода.

Улицы отвыкли от цоканья каблучков и топотни подошв.
Но если засечешь мамашу, шаркающую с малышом,
то загляни ей в глаза и по телу проскрябает дрожь,
будто заглянул самой смерти под капюшон:

такие у мамыши глаза, затянутые пустотой.
Присмотрись к малышу: и с ним что-то не так,
точно он спутал и вылез на этот свет не с той
стороны, но вернулся с того, как вурдалак.

В ночное время вообще лучше не выходить.
Для спокойствия поставь ставни и на дверь – засов.
Смотри по ящику, как мойры плетут свою виртуальную нить,
ибо пряжа вся вышла, хоть на нее и ушло все, вплоть до трусов.

На работу ходи с гаечным ключом в руке.
Всем уже наплевать, но грабителей отпугнёт.
В общем, смирись: жизнь выдавливает тебя, как прыщ на щеке,
и ты сгустком гноя выстреливаешь вперед.

В.А.

Помнишь, как на выходные срывал тебя в Питер, где
мы бродили по Невскому, отражаясь в оголовшейся воде,
петляли по узким улочкам в поисках своих двойников,
но находили лишь друг друга, как правило, уже без трусов
на огромной кровати, в пентхаусе, на семнадцатом этаже,
и мир за окном был неотличим от папье-маше.

Помнишь, наши путешествия в Пномпень и Бангкок

с их шокирующей экзотикой, на которую так горазд восток, даже если смотреть со стороны, не говоря уже – изнутри, что и очутившись в кварталах, где горят красные фонари, азиатские шляхи, точно чувствуя, обходили меня стороной, что мне ничего не нужно, кроме тебя одной.

Помнишь, как, заблудившись, встречали рождество на берегу Сены, и ты, точно в детстве, радовалась каждому пустяку, как блуждали по Монпарнасу, как, следя за черным котом, плутали в его «неврозах», пока, продрогнув, не оказывались в том заведении, где даже официантки расхаживали без белья, но я этого не заметил, поскольку смотрел на одну тебя.

Помнишь, вояжи по Восточной Европе, как будто бы без цели и смысла, но собой являющие известный «процесс» с неизбежным оправдательным приговором в его конце, выраженном в добродушной улыбке на прокопченном лице того самого графа, что лично встречал нас у ворот каждой гостиницы, чтоб не вышло как-то наоборот.

Помнишь, наши почти паломничества на Алтай и Тибет, где в разряженном воздухе мы приобщались к тому, чего нет в реальности, но, тем не менее, реально, как ты, как я, как та, чей приход оглашается криками воронья, в чьих глазах мне открылись картины загробных мест, где я бы тебя отыскал и среди тьмы невест.

Но что толку терзать связки, зная, что получишь в ответ, когда живешь тихо, истово экономя воду и электрический свет, не позволяя ничего лишнего, чуть ли не на хлебе с водой, что, впрочем, не отменяет, что все это было в другой жизни – в параллельной вселенной, точнее, в одной из них, – о которой ты все забыла, но я помню – за нас двоих.

Стансы

К концу трудового дня мысли слипаются, как семечки в козинаке, что уже не можешь вспомнить, как очутился в этой клоаке, где на каждом шагу, на каждом углу – тайные знаки, как секретные инструкции на древнеегипетском саркофаге, что на скорбном опыте сливаются с белизной бумаги, пока отяжелевшим телом, как приказавшая жить долго и счастливо домна, бредешь с работы до дома.

К вечеру даже компас не разбирает, какой где полюс. Фонари не включаются, точно боясь того, что может таиться во мраке. Возле остановки, у которой не останавливается ни один автобус, старый бомж, усердно роющийся в мусорном баке, будто вдруг осознав, что это мгновенье не повторится, замирает, выхаркнув, что есть еще порох в пороховницах, и, схватившись за сердце, складывается в лужу,

надо думать, оттого, что ничего не наскреб на ужин.

Недалеке проскрежетала старуха с клюкой и сумкой
на колесиках, погружаясь в вечерний сумрак,
как в воды Леты, будто только что вынырнула оттуда
и появилась здесь, чтоб я стал свидетелем чуда,
от которого мороз по коже и способность к речи
восстановится, только когда холод встряхнет за плечи.

Мимо пронесся катафалк, символизирующий лодку.
За ним полный автобус родни, едущей пить водку,
поскольку поминки лучше устраивать ночью,
чтоб еще при жизни встретиться с тьмой воочью.
Да оно и дешевле, хоть в этом случае и не ищут выгод,
но какая разница, когда уже сделан последний выдох?

Тихо застыла скорая помощь у моего подъезда,
поджидая меня, как заждавшаяся невеста,
но по тому, как из дверей два похожих на клоунов санитаров
выволокли черный мешок, вышло, что мы не пара
с нею сегодня – бракосочетание не состоится,
будто есть ещё порох, есть ещё порох в пороховницах!

Гудение лифта осело в сознании механическим бредом,
давая понять, что здесь ты уже навсегда, а не как полагал – проездом:
монотонная повторяемость действий, их доведение до автоматизма
сдвигает модус человеческого бытия в сторону механизма,
главным свойством которого становится при- и вообще годность,
что в своей перспективе переходит в осёдлость.

В квартире мертвая тишина, распластавшаяся на облезлых стенах,
облупившемся потолке, как пленка бесцветной крови в бетонных венах,
что ей под стать застывает, даже не вскрикнув, въехав коленом
в тумбочку, словно памятник всем не случившимся переменам,
и так стоишь, пока не обнаруживаешь себя на кухне перед стаканом водки,
ясно сознавая, что уже истаскал все сотканые парками шмотки,
и дальше не то чтобы некуда, но дошёл до того предела,
когда уже мир иной оправдывает существование тела.

С неба мелко каплет. Под ногой – вода,
как питательная, естественная среда

для чужой жизни, в которой ты, сродни
инородному телу, проходишь сквозь ненужные дни.

И в конце каждого, как экспресс без колес,
изнутри замираешь, точно немой вопрос.

И пустота, в своих начинаниях не знающая неудач,

разрастается, надувая тебя, как мяч.

Кажется, что еще немного и лопнешь, оставив пятно,
наподобье того, если вдруг сиганешь в окно

с семнадцатого этажа, но на то она и пустота,
чтоб плодяться сколь угодно много и на любых местах,

не превышать свой объем, равный ничто,
который может ощутить, разве что человек в пальто.

Кто-то вроде меня, шлепающий по воде,
не понимая, сколько времени и, тем более, где

он сейчас находится, пока скрежет дверной
ручки не возвестит, что пришел домой.

Можно разуться, включить свет, сыграть на водопроводной трубе,
но вместо этого в темноте застываешь, как памятник самому себе.

И если не приглядеться, то и не отличить в ночах
себя от темноты, тобой сгустившейся до кирпича.

Так превращаются в невольных каменщиков, и растет стена,
но в какую сторону не повернись, точно всего одна

сторона и осталась от света с его четырьмя.
И только одна стена и ничего окромя.

Вакуум, мертвая зыбь, абсолютный покой.
И захлебываешься стоячей водой.

Вот уже десять лет, как
я работаю охранником в «Пятерочке»: 2/2
по 12 часов брожу по торговому залу, пытаюсь
выйти из этого лабиринта, но отсутствие
заветной нити делает возможным
мое продвижение только вглубь – куда
еще не ступала нога чудовища – порождения
моей подписи в трудовом договоре – с Днем
рождения, мой неожиданный гомункул! – именно
в День рождения моей матери, точно
замыкая какую цепь, проклятый круг!: колесо
сансары в виде циферблата будильника, отсчитывающего
мое утраченное время, поиски которого, даже
если на них пуститься, останутся бесплодными,
как земля: десяти лет вполне достаточно для
того, чтобы так сжиться с монстром, чтоб
перестать себя отличать от него. И,

глядя в зеркало, кого я там вижу? Точнее – кого я могу там видеть, если потеряно уже столько, что пробирает такое чувство, что – все, конец, достиг той точки, начиная с которой возвращение к входу, который и является выходом, уже невозможно, в особенности, если судить по чудовищу: его габаритам и отменно богатырскому здоровью. И нынче мне не остается ничего другого, как двигаться дальше вглубь(-вниз!), пока мои плечи не коснутся носков, а голова не уйдет под землю – естественное следствие моей доблестной трудовой карьеры по выработке пустого времени – этой питательной – с комплексом всех необходимых витаминов и минеральных веществ – пищи для жизнедеятельности чудовища, в которое я обратился, выполняя священный долг перед обществом и государством, а проще – обеспечивая себе прокорм, поскольку жизнь, просто жизнь, жизнь сама по себе – должна почему-то длиться, несмотря ни на что и даже той ценой, которую я плачу 2/2. 2/2. И чем дальше вглубь, тем все равнодушнее приемлешь эту чужую среднестатистическую судьбу.

Осень выкручивает суставы – что аж крошка скрипит на зубах, и с этим не свыкнуться, как с собой, – давя в корне упрямство и робость, – что скрючился под гнилым одеяльцем, в варежках и шерстяных носках, но тепла ни на гран, точно тело к нему потеряло способность.

На лекарства нет денег, впрочем, их нет уже ни на что. Не пойми, как душа еще держится – какова безрассудная доблесть! Пора утепляться – есть еще старый плед и худое пальто, но для этого надо подняться, а на это – уже не сподоблюсь,

Лютое время, когда жизнь прокатывается по тебе паровым катком, а раньше – без устали! – толкал ее в гору, точно Сизиф свой камень. Впрочем, любая дорога заканчивается глухим тупиком, так что все равно по какой из них шевелить ногами.

И только собачья грызня в крошащихся, как печенье, костях, вдавливающая тебя в себя самого, как неподъемно-свинцовое небо, и не дает забыть, что этот в варежках и шерстяных носках – все еще жив. Хотя и без разницы, если б уже им не был.

Стоит открыть глаза – и тошнота, точно благая весть,

разрастается в клетках, будто на то, что вокруг – ответ.
И только сигарета примиряет меня с тем, что есть,
неудержимо приближая к тому, чего нет.
И это радует, как будто добрел до города N:
пустые, извилистые улочки и в домах – ни души.
Люди, как те самые пьесы, что в одночасье сошли со сцен,
поскольку лицедеям стало некому здесь служить.
Таверны открыты, но только вино
еще воюет со временем: присядем и отхлебнём.
Что может быть лучше, чем замызганное окно,
в котором, даже вооружившись увеличительным стеклом,
не разглядеть человека. Только облупившиеся стены кругом,
нависающие над улицей так, что свет лучезарных небес,
преломляясь, возвращается восвояси, чтобы о нем
не возникло и мысли, что когда-то был, а потом исчез.
Поэтому здесь стояла б непроглядная тьма, если б не фонари,
если б не свечи, то как различить графин,
за которым, сколько ни сиди, не дождешься зари,
чтоб войти в новый день без веских на то причин,
которые приходится выдумывать, точно уже известный рассказ:
ещё один мутный день, что твой старенький дилижанс,
в котором тебе зарезервировано место по приглашенью на казнь,
отказаться от которого невозможно, чтоб не упустить свой шанс
непонятно на что, но, по слухам, на будущее – расчёт
на движение: посмотри на стрелки часов, отсчитывающие то, что всего верней.
Что, впрочем, не защитит от лютующих банд, не прочь поживиться за счёт
кем-то нажитого добра, но это меньшее из зол в отсутствие лошадей.
И оттягивая момент, – когда же придется занять своё
место, как время у жизни, идущей, как подсказывает чувство, ко дну,
то есть в предчувствие катастрофы, когда, по сути, за чужое залоговое враньё
нужно будет держать ответ, – я закуриваю ещё одну.
И рука тянется к графину, но он отвратительно пуст,
как намёк на то, что меня уже заждался мой скудный багаж.
И вот я <не> на своём месте в тех же поисках, что и Пруст,
уоставившись на – в окошечке дилижанса – не сменяющийся пейзаж.

В.А.

Время для нас перестало идти, как часы без пружины.
Это и есть наше настоящее, в котором следствие не отличить от причины,
все перевернуто с ног на голову и ни одной метлой не навести порядок,
поскольку уже никто не помнит, что это значит и как вообще надо.
Наша жизнь превратилась в змею, в хвост вцепившуюся себя столь остервенело,
что для того, чтобы сдвинуть эту конструкцию, надо избавиться от лишнего тела,
ибо будущее не наступает просто так, оно с чего-то должно начаться
и вовсе необязательно с катастрофы, рвущей тебя на части –
достаточно, выбив из-под себя табуретку, уйти в паденье,
на время победив гравитацию за счет отсроченного приземленья,
когда душа, истомленная безвременьем, то ли потеряв, то ли обретя опору,

устремляется в неизвестность по солнечному коридору,
недоступному глазу, поэтому все, что ты сможешь увидеть – это только тело,
застывшее в том полете, который веревка не дает довести до своего предела,
что больше всего отражается на лице – в его незаконченном мышц движенье –
в котором наша жизнь, кажется, нашла достойное себя выражение,
уходя навсегда в прошлое – под будущее освобождая пространство,
в котором тебе придется сперва прибраться.

Странное пробирает чувство, когда понимаешь, что не осталось
ничего, за чтобы держаться, – только воздух, но последний не та опора, ежели ты –
не птица:

грандиозные планы юности накрылись известным тазом, в котором уже отражается
старость,

и нет ничего, что могло б помешать ей, как в зеркало, в тебя вглядеться.

В теле непроходящая слабость, но ясность мысли ничего не прощает
(тут лучше бы ни о чем не думать, а ещё лучше – так вообще не просыпаться).

Что может быть важнее, чем еще при жизни, которую чем дальше, тем все менее
ощущаешь,

отрепетировать свою смерть, если сам не птица (и глаза начинают слипаться),
а вокруг только воздух и не то чтобы даже дух перехватывает от того, что камнем
летишь к земле – ты давно на ней и не силах подняться:

кости вроде бы целы, но пуце их раздробленности в прах/песок/порошок память
вдавливает в грунт (и глаза продолжают слипаться):

и не то чтоб сожаления даже, но упрямее факта: не то, не так и не это
(в членах стремительно нарастает немощь, как высшее благо).

И сон накатывает как генеральная репетиция смерти, на премьеру которой все
билеты

распроданы загодя, и фурор неотвратим, как Итака

в конце пути, коли не птица, а вокруг – только воздух и сам – камнем
лежишь на земле, совмещая в себе процесс и результат паденья.

И глаз уже не разлепить: вокруг одна темнота, та самая, в которую все мы канем.

Как синоним освобожденья.